

**ПРАВИТЕЛЬСТВО** Советского Союза учредило почетные медали имени выдающегося советского режиссера и театрального деятеля А. Д. Попова. Медаль имени А. Д. Попова — одна золотая и три серебряные — присуждается ежегодно 23 февраля, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, совместным решением Министерства культуры СССР, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота и правления Всероссийского театрального общества режиссерам и актерам драматических театров за лучшие сценические произведения на героико-патристическую тему, посвященные защите социалистической Родины, боевым традициям Советских Вооруженных Сил, современной жизни Советской Армии и Военно-Морского Флота.

**С**ЕЙЧАС Алексею Дмитриевичу Попову исполнилось бы все-семьдесят лет. А через несколько месяцев будет десять лет, как его нет с нами. Как быстро все-таки идет время. Думается мне, именно теперь, если приглядеться внимательно к нашему сегодняшнему искусству, станет особенно ощутимо, как велико влияние Попова на него, как много заложено им из того, что потом выросло и принесло плоды.

В ряду блистательных мастеров, которыми было так богато наше театральное искусство первых послеоктябрьских десятилетий, А. Д. Попов занимает свое особое место. Пожалуй, я не знаю художника, который до такой степени сросся бы со своим поколением первых пятилеток и с такой полнотой выразил бы его со всем, что было в нем прекрасного. Всем складом своей натуры, недюжинной, оригинальной, удивительно одаренной, принадлежал он именно к этому поколению, хотя и пришел в искусство несколько раньше, в последние предреволюционные годы.

Я вспоминаю его на даче, в рабочей куртке, в кепке, выворачивающим какие-то корни, что-то пилящим или строгавшим. Его можно было принять за рабочего, плотника или столяра, так споро и уверенно он работал. А как удивительно умел он читать. Ему был свойствен какой-то особенный талант восприятия, помогавший извлекать из прочитанного что-то видимое только ему одному, и тут же пускать это в дело, применяя к новому спектаклю или пьесе, над которой он работал с автором.

Внешне замкнутый, сдержанный, он был человеком огромной энергии, неистового темперамента, гипнотической воли, способной увлечь и повести за собой кого угодно.

На протяжении многих лет, которые мне посчастливилось общаться с Алексеем Дмитриевичем в совместной работе, меня не переставала потрясать его энергия, неразрывно сливавшаяся с жадным стремлением добираться до самых основ явления, которое почему-либо интересовало его, постигать его во всей сложности и глубине. Режиссер-практик, обладавший редчайшим даром простраственного воображения, потрясавший нас безудержной выдумкой сценических построений, он в то же время тяготел к философским обобщениям, к тончайшему, обоснованному до последней мелочи психологическому анализу. Работая над спектаклем, он умел удивительно снимать с вещей, казалось бы, хорошо знакомых и привычных, пласт за пластом, пока под ними не вставала живая, реальная жизнь со всей ее неожиданностью, сложностью, неповторимостью. Когда я вспоминаю, как работал Попов, невольно возникает сравнение: чем глубже уходит колодезь, тем больше прибывает воды, тем чище она и прозрачнее.

А. Д. Попов вошел в историю советского искусства во многих качествах. Он один из создателей блистательной советской шекспирады тридцатых годов, этого величайшего из достижений гуманистической мысли XX века. Теоретик и мыслитель, автор глубочайших книг, обобщающий накопленный им опыт режиссера и постановщика, педагог и воспитатель целой школы современной режиссуры, руководитель многих театральных коллективов, организатор Театра Советской Армии, отдавший ему чуть не четверть века своей жизни. Создатель первых спектаклей, языком высокого искусства рассказывающих о современной ему действительности...

Впрочем, сказать, что А. Д. Попов был просто постановщиком первых советских пьес, значит не сказать ничего. Алексей Дмитриевич, по существу, стоял у колыбели советской драматургии. Кто знает, появились ли бы вообще на свет многие из прославлен-

## ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Статьей М. Кнебель о замечательном режиссере советского театра Алексее Дмитриевиче Попове мы открываем рубрику «Они были первыми». Под этой рубрикой газета будет публиковать материалы о выдающихся деятелях советского искусства, стоявших у истоков социалистической культуры.

# РЕЖИССЕР, МЫСЛИТЕЛЬ, ТЕОРЕТИК

Мария КНЕБЕЛЬ

них впоследствии произведений, если бы он не отдавал им столько сил и времени, так тонко и прозорливо не чувствовал бы возможностей, заложенных в том наброске, который далеко не всегда можно было назвать пьесой. Он удивительно умел рассказывать пьесу. Слушателям в его изложении она казалась превосходной. Когда же за чтение принимались мы сами, недостатки материала вылезали со всех сторон. Мы не видали и десятой доли того, что казалось таким выразительным и точным в рассказе Алексея Дмитриевича. А между тем он ничего не менял. Он просто рассказывал пьесу по существу, раскрывал то главное, в чем он уловил пульсацию живой жизни и ради чего собирался ее ставить. И он доводил ее до максимального совершенства.

Его «Виринея» покорила всех свежестю, правдой, неожиданностью жизненных ассоциаций. Спектакль был необыкновенно достоверен. Меня просто потрясло, насколько подлинными были крестьяне и крестьянки, солдаты, солдатики, старики и молодежь. Казалось, они пришли на сцену прямо из деревни, вздыбленной войной и революцией. В этом спектакле Алексей Дмитриевич показал себя превосходным психологом, достойным учеником и последователем Станиславского и Немировича-Данченко. И в то же время великолепным мастером формы, удивительно широко и смело раскрывавшим стилистику не просто повести Сейфуллиной, но самой эпохи, ее породившей. Попов как будто стащил актеров с театральных подмостков и увлек за собой в реальную жизнь, бурливую вокруг, неповторимую по своей красоте и могучей силе. В «Виринее» я впервые поняла, что А. Д. Попов обладал редчайшим чувством народного юмора, соединившимся с высочайшей культурой и безупречным вкусом. Особенно остро чувствовала я его в сатирических спектаклях — «Заговоре чувств» Ю. Олеши и «Зойкиной квартиры» М. Булгакова.

С какой невероятной силой яростного неприятия воздвигал он на сцене грязные лестничные пролеты, покрытые паутиной и плесенью коридоры, кухни, населенные выползающими из всех углов обывателями, растрепанными многолетними коммунальными междоусобицами. Трагичное в «Заговоре чувств» переплеталось со смешным, смешное с фантастическим, создавая неповторимую театральную стихию. Та же гневная обличительная мысль определяла и постановку «Зойкиной квартиры». А. Д. Попов создал в этом спектакле блистательную галерею типов времени нэпа, которых жестоко высмеивали Булгаков, Ромашов, Маяковский. «Разлом» Б. Лаверенева, «Авангард» В. Катаева, наконец, погодинские спектакли, без которых невозможно представить себе историю советского театра, — все они

появлялись на свет в значительной степени благодаря энергии, воле, крепкой театральной руке Алексея Дмитриевича Попова. Такие спектакли, как «Поэма о топоре», «Мой друг», «После бала», во многом определили вкусы, принципы, эстетику целого театрального поколения. Они поражали острой пластической выразительностью. В них был найден тот великолепный сплав подлинной достоверности времени и острой, неожиданной, оригинальной театральной формы, которыми отличались все лучшие работы Попова. До сих пор с нежной влюбленностью вспоминают те, кто видел эти спектакли, Дмитрия Орлова — Степашку, этого лесковского Левшу первых пятилеток, или Анку — М. Бабанову в огромных мужских башмаках, зашнурованных бечевками, в ситцевой кофточке, с вихрастыми белобрысыми волосами, неистово пляшущую над спящим Степашкой, только что сварившим уникальную нержавеющую сталь. А как любили зрители М. Астангова в «Моем друге», как восхищались его размахом, энергией, его свободной, интеллигентной манерой держать себя, его чувством собственного достоинства.

История работы А. Д. Попова с художниками Шляпниковым, Шифриным, Пименовым, Вильямсом — это особая, огромная тема, заслуживающая специального исследования. Так же, как специального исследования заслуживает его удивительное умение создавать на сцене театральную среду, острую, достоверную, неожиданную, всегда несущую этот гигантский заряд энергии и мысли, которым были наполнены его спектакли.

Шекспир, так же как Чехов, которого Алексей Дмитриевич так ни разу и не поставил, поглощенный задачами, которые казались ему более насущными и актуальными, был постоянной и горячей любовью Попова. Уже в последние годы своей жизни, в ГИТИСе, он работал со студентами-старшекурсниками над «Королем Лиром», «Виндзорскими кумушками», «Двенадцатой ночью», «Бурею», отдавая этим учебным работам столько же сил, энергии и фантазии, сколько и театру, которым он руководил.

За два с лишком десятилетия своей работы на сцене Театра Советской Армии А. Д. Попов поставил целый ряд замечательных спектаклей: «Укрощение строптивой», «Суворов», «Давным-давно», «Степь широкая», «Поднятая целина», «Сталинградцы». В этих работах раскрывались и масштабная мысль А. Д. Попова, и его пристальный интерес к душевному миру каждого отдельного человека, и удивительное владение массой на сцене. Н. Ф. Погодин, вспоминая о своей работе с А. Д. Поповым, писал о том, что судьба Алексея Дмитриевича была драматичной. Драматичной не потому, что ему не удавалось осуществить то, что он хотел. Это-то ему как раз почти всегда удавалось. Его сконцентрированная до какой-то атомной плотности энергия сметала все препятствия, превращая, пусть на короткое время, малозер в энтузиастов. Драматичен, по мнению Погодина, был сам склад его характера, напоминавший древних ревнителей русской веры, максимализм и непреклонность требований, с которыми он относился к себе и к другим. В этом замечании Погодина есть немалая доля истины. Для Алексея Дмитриевича было делом первостепенной важности непрерывные поиски все новых и новых путей в искусстве, делом еще большей важности было давать каждодневный, непрерывный бой рутине, такой цепкой и въедливой на театре, так незаметно внедряющейся в его повседневную жизнь.

И все-таки сам Алексей Дмитриевич считал себя человеком счастливым. Он не раз говорил, что не хотел бы жить и работать в другие годы. Говорил, что больше всех жалеет тех, кто прожил жизнь в обнимку с нелюбимым делом. «Куда ни кинь, получается, что я человек, счастливо проживший свою жизнь», — писал он. И все, кто близко знал его, его товарищи по работе, его многочисленные ученики, те, кто много с ним по его книгам и спектаклям, не могут не согласиться с тем, что так оно и есть на самом деле.